

«Услышать... как слышало поколение...»:
Автобиографическая проза О. Мандельштама
в контексте русско-еврейской литературы
и мемуаристики
(1840–1930-х гг.)

Галина А. Элиасберг

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gaeliasberg@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена автобиографической прозе О. Мандельштама «Шум времени», рассматриваемой в контексте культурных моделей еврейских и русско-еврейских мемуарных текстов 1840-х–1930-х гг., включая воспоминания Леона Мандельштама, М.-Л. Лилиенблюма, А.-Г. Ковнера, П.Ю. Венгеровой, С.М. Дубнова. Эти тексты наряду с художественными произведениями русско-еврейских литераторов С. Фруга, Л. Леванды, Г. Баданеса, С. Ан-ского, а также историко-культурными очерками С.М. Дубнова, П.С. Марек, С.Л. Цинберга 1880–1910-х гг., обобщающими развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции, позволяют показать принципиальное сходство «Шума времени» с их важнейшими темами, осмысляющими идейный кризис рубежа XIX–XX вв., и мировоззрение нескольких поколений еврейских «отцов» и «детей». Анализируются метафорические понятия, которые использовались в еврейской и русско-еврейской литературе, мемуаристике и публицистике для характеристики эпохи еврейской модернизации второй половины XIX – начала XX в., включая представление о «хаосе» как смешении разных мировоззренческих систем. Это позволило показать, что понимание комплекса смыслов, которые вкладывались в эти понятия в контексте русско-еврейского мира, было не только доступно Мандельштаму, но получило отражение в композиции нескольких глав «Шума времени».

Ключевые слова: еврейская культура, русско-еврейская литература, русско-еврейская интеллигенция, М.-Л. Лилиенблюм, П.Ю. Венгерова, С.М. Дубнов, С.Л. Цинберг, П.С. Марек, С. Ан-ский

Для цитирования: Элиасберг Г.А. «Услышать... как слышало поколение...»: Автобиографическая проза О. Мандельштама в контексте русско-

еврейской литературы и мемуаристики (1840–1930-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 94–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-94-119

“To hear... as the generation have heard...”:
Autobiographical prose of O. Mandelstam
in the context of Russian-Jewish literature
and memoirs (1840–1930s)

Galina A. Eliasberg

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, gaehiasberg@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to O. Mandelstam’s “The Noise of Time”. This autobiographical prose is considered in the context of cultural models of Jewish and Russian-Jewish memoirs of the 1840s–1930s, including Leon Mandelstam’s, M.L. Lilienblum’s, A.G. Kovner’s, P.Yu. Vengerova’s, S.M. Dubnov’s. Those texts are considered along with the prose of S. Frug, L. Levanda, S. An-sky as well as historical and cultural essays by S.M. Dubnov, P.S. Marek, S.L. Zinberg written in 1880–1910s. Summarizing the development of ideological trends among the Russian-Jewish intelligentsia, they allow the author to show the fundamental similarity of the “Noise of Time” with their most important topics, conceptualizing the ideological crisis of the turn of the 19–20th centuries, as well as the difference in the worldviews of several generations of Jewish “fathers” and “children.” The article analyzes metaphorical concepts that were used in Jewish and Russian-Jewish literature, memoirs and journalism to characterize the period of Jewish modernization in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. Those concepts included an idea of “chaos” as a mixture of the different worldviews systems.

All it made clear that the complex of meanings embedded in those concepts in terms of the Russian-Jewish world was not only open to Mandelstam, but was reflected in the composition of several chapters of “The Noise of Time”.

Keywords: Jewish culture, Russian-Jewish literature, Russian-Jewish intelligentsia, M.-L. Lilienblum, P.Yu. Vengerova, S.M. Dubnov, S.L. Zinberg, P.S. Marek, S. An-sky

For citation: Eliasberg, G.A. (2019), ““To hear... as the generation have heard...”: Autobiographical prose of O. Mandelstam in the context of Russian-Jewish literature and memoirs (1840–1930s)”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 94-119, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-94-119

В автобиографической прозе О. Мандельштама «Шум времени» отражена рубежная эпоха XIX–XX вв.; одним из приемов соединения двух столетий в литературной биографии поэта стало включение воспоминаний о судьбах нескольких поколений его семьи и родственно близких людей. Написанные с любовью, нежной грустью, юмором и нередко горькой иронией, они обладают той особой оптикой, которую привносит в мемуарный текст историческая дистанция. Литературные образы родных – родителей поэта Эмиля Вениаминовича Мандельштама и Флоры Осиповны Вербловской, бабушки и дедушки в Риге, петербургских родственников по материнской линии Юлия Матвеевича Розенталя и Семена Афанасьевича Венгерова – обращают читателя к духовной истории трех поколений еврейских семей, образ жизни и мировоззрение которых сформировалось в веке девятнадцатом. Их труд, жизненный опыт и стремления во многом определили детство, юность, воспитание и образование Мандельштама, которым и посвящены четырнадцать глав мемуарного текста о рубежной эпохе 1890–1900-х гг., написанного в 1923 г. уже в советское время и опубликованного в вариантах 1925 г. и 1928 г.¹

В «Шуме времени» Мандельштам рассуждает о необходимости понять мироощущение поколения, услышать его отголоски в литературных текстах. Так, о поэзии Надсона – кумире молодежи 1880-х – он пишет:

Я все же перечитывал его книгу и старался услышать ее звук, как слышало поколение, отбросив поэтическое высокомерие настоящего и обиду за невежество этого юноши в прошлом. Как много мне тут помогли дневники и письма Надсона...²

В свою очередь мемуарные тексты Мандельштама – важный источник для изучения формирования его мировоззрения и художественного языка. В этой работе проза Мандельштама сопоставляется с записями Леона Мандельштама (1839–1840), воспоминаниями П.С. Марека³ (1889), автобиографическими сочинениями М.-Л. Лилиенблюма (1876; 1890), А.Г. Ковнера (1903), П.Ю. Венгеровой (1906–1909), С.А. Венгерова (1920) и С.М. Дубнова (1930-е гг.), а также со знаковыми произведениями еврейской и русско-еврейской литературы рубежа XIX–XX вв.

¹ *Мандельштам О.Э. Шум времени // Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. 2. М.: ТЕРРА – TERRA, 1991. С. 45–108.*

² Там же. С. 60.

³ *Марек П. Воспоминания об отце // ГА РФ. Ф. 9533. Оп. Д. 7. Л. 2–4.*

Из исследований, рассматривающих автобиографическую прозу Мандельштама, особое значение для нас имеют монография М. Станиславского, посвященная культурным моделям еврейских автобиографических текстов, приемам рефлексии и саморепрезентации их авторов [Stanislawski 2004], работы Л.Ф. Кациса, анализирующие еврейские аспекты творчества Мандельштама, родословную поэта, отражение в его автобиографической прозе русско-еврейской литературной традиции XIX в. [Кацис 2002, 2008] Важными для нас являются тематический обзор русско-еврейской периодики 1860-х–1914 гг. в исследовании Б. Вальдман [Вальдман 2008], существенно дополнивший известную книгу В. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» (1922), а также составленный Н. Портновой сборник, содержащий репрезентативные тексты эпохи 1880-х–1890-х гг.⁴ Мы обращаемся к историко-литературным, культурно-историческим и публицистическим работам 1880-х–1930-х гг., представляющим развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции 1860-х–1910-х гг. [Цинберг 1915, Zinberg 1978, Дубнов 1907, Марек 1888, 1914], и современным исследованиям, посвященным этой тематике [Натанс 2007, Френкель 2008, Харшав 2008, Roskies 1992, Stanislawski 2001, Safran 2010].

Тема рубежной эпохи (*Fin de Siècle*) обозначена в строках, открывающих первую главу «Шума времени» – «Музыка в Павловске»:

Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы... последнее убежище умирающего века. За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то «Крейцеровой сонате» и смену дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала... девяностые годы слагаются в моем представлении из картин, разорванных, но внутренне связанных...⁵

Упомянутые Мандельштамом имена французских офицеров: Дрейфуса, шпиона Эстергази и разоблачившего его полковника Пикара – связаны с резонансным судебным процессом 1894–1906 гг., обозначившим новую эпоху в политической и интеллектуальной истории Франции и в новейшей истории европейского еврейства [Шарль 2005, с. 293–296]. Обсуждение газетных новостей о деле Дрейфуса, обвинение которого в шпионаже в пользу

⁴ Быть евреем в России...: Материалы по истории русского еврейства. 1880–1890-е годы / Сост., заключ. статья и комментарии Н. Портновой. Иерусалим, 1999.

⁵ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 45.

Германии строилось на его еврейском происхождении, – вызвало всплеск антисемитских настроений во Франции – в прошлом родине эмансипации евреев Европы (1791 г.) [Бенбасса 2004, с. 216–237].

Дело Дрейфуса побудило австрийского журналиста Т. Герцля, освещавшего процесс 1894 г. в венской газете *Neue Freie Presse*, к размышлениям о новых формах антисемитизма. Его трактат «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» (1896) лег в основу программы сионистского движения (организационно оформлено в 1897 г.), в котором российские евреи принимали самое деятельное участие [Stanislawski 2001, р. 1–18]. Судебный процесс расколол общественное мнение не только во Франции, но и в других странах, включая Россию. Известны статьи сенатора И.П. Закревского, суждения Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, А.А. Суворина и А.П. Чехова времен дрейфусиады⁶. Точку зрения еврейской общественности отражала еврейская и русско-еврейская печать; среди множества литературных откликов, созданных во время процесса, можно привести рассказ Шолом-Алейхема «Дрейфус в Касриловке» (впервые издан на идише в 1902 г. под названием «Не может быть»), очерк Ю. Волина «Тайна Анри Фрэнка» («Еврейская жизнь», 1904, №7); переводы романа Л. Долливе «Жид» (1898) и повести Ж. Рейнака «Разжалование» (1901), опубликованные в петербургском «Восходе» [Вальдман 2008, с. 106, 190–191].

Таким образом, обсуждение резонансного процесса, показавшего относительность всех представлений о защищенности и гражданских правах ассимилированного еврейства Европы, а также упоминание о бурных дискуссиях по семейному вопросу, развернувшихся в русском обществе вокруг повести Толстого «Крейцера соната» (1890) [Заламбани 2017 с. 141–226], – представлены Мандельштамом сквозь призму разговоров в доме его детства. Отметим, что имя Дрейфуса повторяется в этой главе в рассуждении о «выражении *Fin de Siècle*» (закончился ли XIX в. с его освобождением в 1906 г.) и воспоминании о свойствах детской памяти, когда казалось, «что мужчины были исключительно поглощены делом Дрейфуса, денно и ночью»⁷.

⁶ *Закревский И.П.* По делу Дрейфуса: Сборник статей. СПб.: Тип. Сойкина, 1900. 160 с.; Процесс Эмиля Золя, в связи с делом об измене капитана Дрейфуса и об обвинении в измене майора гр. Эстергази: С приложением мнений об этом деле гр. Л.Н. Толстого, Л.Е. Владимирова и органов русской и иностранной печати; с переводом писем Э. Золя. М.: Тип. И.Г. Чукина, 1898.

⁷ *Мандельштам О.Э.* Указ. соч. С. 47.

В монографии М. Станиславского «Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning» (2004) рассматриваются мемуарные сочинения, созданные в разные исторические эпохи на разных языках: от античной «Жизни Иосифа Флавия» до текстов XX в. – книги С. Цвейга «Вчерашний мир: Воспоминания европейца» (1939–1941) и автобиографических размышлений «Rue Ordener, Rue Labat» («Улица Ордене, улица Лаба», 1994) Сарры Кофман, известного французского философа, дочери раввина, погибшего в Аушвице. Автобиографии представителей восточно-европейского еврейства анализируются в главе «Два русских еврея: Моше-Лейб Лилиенблюм и Осип Мандельштам», проводящей сравнение двух поколений модернизированного еврейства: «отцов» 1870-х – 1880-х гг. и «детей» 1890-х–1900-х. [Stanislawski 2004, p. 54–102]. Исследователь подробно излагает содержание трехтомного сочинения на иврите «Грехи юности» («*Hotot neugim*») Лилиенблюма (1843–1910), яркого пропагандиста просветительских идей 1870-х гг., ставшего затем, в 1880-е гг., одним из основоположников палестинофильского движения. Две первые части книги (изданы в 1876 г. под псевдонимом Целафхад бар Хушим) отражали опыт поколения 1860-х–1870-х гг., увлеченного идеями Гаскалы – Еврейского Просвещения, зародившегося в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. [Бештель 2006; Zinberg 1976, Vol. 8]. Второй составляющей, оказавшей влияние на формирование мировоззрения этой молодежи, была русская радикальная мысль, сочинения Добролюбова, Писарева и Чернышевского. «Русская идейная книга контрабандным путем стала находить себе доступ в старозаветные ешиботы и в проникутые казенным духом раввинские училища... началась идейная борьба “отцов” и “детей”», – писал об этой эпохе известный историк еврейской литературы С.Л. Цинберг [Цинберг 1915, с. 138].

Первые части книги Лилиенблюма, написанной по модели «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, повествуют о душевных страданиях героя, его раннем неудавшемся браке, по традиции устроенном родителями, невозможности соединить судьбу с близкой по духу женщиной, утрате прежней религиозности, стремлении вырваться из-под опеки своей среды, обрести светские знания. Опираясь на исследования А. Минца и Б.-А. Фейнгольда, Станиславский сопоставляет автобиографию с сохранившимся корпусом переписки и дневников Лилиенблюма, демонстрируя стремление автора путем сложной маскировки и намеков отразить не столько личную историю, сколько поучительную с идейной точки зрения духовную биографию поколения маскилим («просветителей», в буквальном переводе «вдумывающихся») [Stanislawski 2004, p. 62]. В первых двух томах герой-маскил предстает страдающим от обскурантизма

фанатичного окружения, жертвует всем, в том числе и любовью, ради служения идеалам Разума и светского знания.

Дальнейшая судьба Лилюенблума связана с его пребыванием в Одессе, куда он отправился в 1869 г. поступать на медицинский факультет университета, но реализовать мечту не удалось. Здесь он знакомится с радикальной русской литературой, сотрудничает в газете на иврите «Ha-Meliz» и в ее приложении на идише «Kol Mevasser». Разуверившись в возможности «примирить религию с жизнью», усвоив «идею полезности» Писарева, Лилюенблум встает в идейную оппозицию к своим прежним учителям – маскилим, критикуя их за отрыв от «реальной жизни». Пережитый шок от волны погромов 1881 г., разразившихся после убийства Александра II, привел его к новому убеждению: «на евреев всегда будут смотреть, как на “чужих”, и возрождение еврейского народа мыслимо только на исторической земле предков» (см. Derech Teschuba, 46)⁸. Этот идейный поворот Лилюенблум отразил в третьем томе своего автобиографического труда, изданном под названием «Путь раскаяния» («Дерех тешува», 1890), в котором просвещенческий романтизм 1870-х гг. был заменен «реалистической критикой», а идеалом провозглашалось «палестинофильство» (любовь к Сиону – предвестие сионистского движения) [Stanislawski 2004, p. 65–66].

Первые части книги Лилюенблума автор назвал «великой исповедью», но «она является исповедью не только “одного еврейского писателя”, как сказано в оглавлении, а целого поколения переходной эпохи», – писал Цинберг. – «...» Л[илюенблум] является одной из наиболее типичных и ярких фигур периода “великого надлома”. Его труды представляют значительный интерес для характеристики двух эпох в истории русского еврейства: эпохи 60-х годов с их порывом к новой жизни и 80-х годов, знаменующих собой крушение новых идеалов и последовавшее затем пробуждение и интенсивный рост национального движения»⁹ [Zinberg 1978, Vol. 12, p. 210–226].

Идеи еврейско-немецких просветителей, оказавшие влияние на Лилюенблума, уроженца местечка Кейданы Ковенской губернии, сформировали и мировоззрение его земляка из соседних Жагор – Эмиля Мандельштама. Однако этот молодой человек отправился учиться в Германию, а не в российский университет, подобно Лилюенблumu или своему старшему родственнику Леону Мандельштаму в конце 1830-х гг. Вдохновленный идеями Гаскалы, Л. Мандельштам поступил в Московский университет, был первым

⁸ Цинберг С.Л. Лилюенблум, Мойше-Лейб // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 16 т. Т. 10. СПб., 1911. С. 210.

⁹ Там же.

евреем, получившим степень кандидата философии в Петербургском университете; служил в Министерстве народного просвещения (1846–1857), став одним из проводников правительственных реформ еврейского образования в России¹⁰. Свой путь из Жагор в Москву – от талмудической учености к европейской философской мысли – он описал в автобиографии и дневниковых записях 1839–1840 гг. (опубликованы в 1909)¹¹ Этот же путь в книге на иврите «*Hazon la-Moed*» («Пророчество нашего времени», 1876) представил его старший брат Вениамин Мандельштам¹².

Среди сочинений, отразивших систему традиционного образования 1840-х–1850-х гг. и влияние идей Гаскалы, следует назвать автобиографию А.Г. Ковнера «Из записок еврея» («Исторический вестник», 1903, № 3, 4) [Ковнер 2000]. Уроженец Вильно, учившийся в нескольких иешивах (еврейских семинариях), Ковнер по совету знакомых маскилим отправляется в Киев, учит русский, читает русскую и европейскую литературу, осваивает труды западных позитивистов. Наибольшее впечатление на него производят идеи Писарева, на которых Ковнер выстраивает свои полемические статьи в еврейской печати (1860–1879), критикуя литераторов («отцов») за отрыв от реальной жизни, культивирование архаичного языка и устаревшего романтизма [Цинберг 1910]. Драматической жизни Ковнера, вступившего в переписку с Достоевским и Розановым, посвящена монография Л.П. Гроссмана «Исповедь одного еврея» (1924).

Традиционное религиозное воспитание Эмиля Мандельштама не отличалось от описаний, сохранившихся в мемуарных текстах Л. Мандельштама, Ковнера, Лилиенблюма или его сверстника Дубнова, тайком читавшего литературу Гаскалы [Дубнов 1998, с. 31–49]. Юный Эмиль Мандельштам был увлечен немецкой литературой и философией, в диалоге с которой развивались еврейско-немецкая Гаскала и научная школа *Wissenschaft des Judentums* («наука о еврействе») [Симон-Наюм 2006, Кацис 2002, с. 170–174]. Нельзя не вспомнить, что и Леон Мандельштам в ранней автобиографии отмечал свою приверженность немецкому Просвещению:

Я родился в 1819 г. ... в местечке Новых Жагорах, лежащем на границе Курляндской и Виленской губ., однако оно духовно отличается

¹⁰ *Гинзбург С.М.* Из записок первого еврея-студента в России (Л.И. Мандельштам, 1839–1840 гг.) // *Пережитое*. СПб., 1909. С. 1–8.

¹¹ Там же. С. 13–50.

¹² *Цинберг С.Л.* Мандельштам, Вениамин Осипович // *Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона*: В 16 т. Т. 10. СПб., 1911. С. 590.

курляндским просвещением, и потому я имею обыкновение считать и называть себя курляндцем¹³.

В главе «Книжный шкаф» Осип Мандельштам пишет об отце: «Четырнадцатилетний мальчик, которого натаскивали на раввина и запрещали читать светские книги, бежит в Берлин, попадает в высшую талмудическую школу... вместо талмуда читает Шиллера, и, заметьте, читает его как новую книгу». Далее он отмечает вторую составляющую, сформировавшую опыт поколения 1870-х гг., – общественную борьбу в России:

...Он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов, чтобы запомнить конспиративную молочную лавку на Караванной, откуда подводили мину под Александра¹⁴.

Оставив учение и занявшись торговлей, купец второй гильдии не забыл ни «причудливый синтаксис талмудиста», ни «философские термины Гердера, Лейбница и Спинозы»:

Религиозные интересы вытравлены совершенно. Просветительская философия претворилась в замысловатый талмудический пантеизм... и в перчаточной мастерской, и на кожевенном заводе проповедует... удивленным клиентам философские идеалы восемнадцатого века¹⁵.

Таким образом, речь идет не только о личных особенностях отца, но о формировании мировоззрения его поколения, отраженного в их понятийном языке, стиле мышления и важном для них корпусе литературно-философских текстов.

Вслед за главой «Книжный шкаф» следует – «Финляндия», где представлена еще одна еврейская семья Шариковых, потомков николаевских солдат, которым дозволялось проживание в «чистой от евреев Финляндии». Они держали лавку в «упрямом и хитром» Выборге, сохранявшем свой европейский уют и память о стране Суоми, о ней напоминала висевшая «в каждом доме... картинка»: «простоволосая девушка Суоми, над которой топорщится сердитый орел с двойной головкой, яростно прижимает к груди книгу с надписью: Lex – закон»¹⁶. Этот символический образ может быть прочитан как знак неразрывной связи исторической и современной Финляндии. В лавке Шариковых «пахло смолой и кожами,

¹³ Гинзбург С.М. Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 67.

¹⁵ Там же. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 64.

и хлебом, особым запахом финской лавки». «После жиденского Петербурга меня радовала эта прочная дубовая семья», – писал Мандельштам¹⁷. Однако упоминание о сбежавших с офицерами дочерях-красавицах воспринимается не только как избитый романтический сюжет, но как одна из примет эпохи «разлада» еврейской жизни, которой посвящена следующая глава «Хаос иудейский», открывающаяся образом новой эмансипированной еврейской женщины в шляпке, резко контрастирующим с «просто-волосой Суоми».

Обсуждение взглядов на роль женщины, борьба за свободный выбор ее судьбы – одна из волнующих тем европейской, русской, еврейской и русско-еврейской публицистики, литературы и драматургии 1860-х–1910-х гг. [Вальдман 2008, с. 57–61, 81–84]. Неслучайно одним из знаковых произведений эпохи стал цикл монологов Шолом-Алейхема «Тевье-молочник» (1894–1914), рассказывающий о судьбах его пяти дочерей и переживаниях современного Иова [Роскис 2010, с. 269–270]. Упомянутая Мандельштамом повесть «Крейцерова соната», как и взгляды Толстого на семейный вопрос, рассмотренные в контексте еврейских реалий, нашли отражение в русско-еврейской литературе, из которой укажем на пьесы «толстовцев»: «Развод: из еврейской жизни» (1902) И. Тенеромо и Я. Гордина, написавшего для еврейского театра драму на идише «Di kreytser sonata» (1902), герои которой переезжают из России в Америку [Элиасберг 2018, Henry 2011]. Под названием «За океаном» она неоднократно ставилась на русской сцене, в том числе в Петрограде-Ленинграде 1917–1930-х гг.¹⁸

В «Шуме времени» контрастные женские образы помогают Мандельштаму обозначить суть рубежной эпохи: с одной стороны, музыкально одаренная, близкая ему по духу мать, учившаяся в русской гимназии, а с другой – бабушка по отцовской линии, воплощающая малознакомый мир. В главе «Книжный шкаф» он подробно рассказывает о том, как, пытаясь понять материнский «круг поколения», вчитывался в дорогие ее сердцу литературно-поэтические тексты, сформировавшие мысли и чувства молодежи 1880-х гг., вспоминал ее рассказы о виленском детстве. В то время как рижская «добрая бабушка, в черноволосой накладке на седых волосах и в капоте с желтыми цветочками» остается символом далекой старины¹⁹. В главе «Хаос иудейский» она представлена лишь внешним

¹⁷ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 63.

¹⁸ Смирнова Т.М. Театральная жизнь многонационального Петрограда – Ленинграда: 1917–1941. СПб.: Чистый лист, 2016. С. 49, 72, 99, 102, 129.

¹⁹ Мандельштам О.Э. Шум времени. С. 68.

описанием, подчеркивающим ее архаичность, подобную образам обитательниц «еврейского квартала» в Петербурге, где на Торговых улицах «попадают... женщины с выбивающимися из-под косынки накладными волосами»²⁰.

Анализируя два автобиографических сочинения, Станиславский обращает внимание на использование слова «хаос» в иврито-язычной автобиографии Лилиенблюма, где глава о детстве названа «Yimei ha-tohu» («Дни хаоса»), а также в названии главы «Хаос иудейский» в русской книге Мандельштама [Stanislawski 2004, р. 56]. Очевидно, что мемуары Лилиенблюма поэт не мог знать в подробностях, однако отсылки к ним неоднократно звучали не только в русско-еврейской публицистике рубежа XIX–XX вв., но и в произведениях близко знакомого ему Семена Акимовича Анского, один из автобиографических рассказов которого «“Грехи юности” (страничка из воспоминаний)» (1910) повествовал о книге Лилиенблюма, вызвавшей гнев раввина в Лиозно; о ней постоянно рассуждают и герои его повести «Пионеры: повесть из эпохи 80-х гг.» (1905)²¹. Отметим, что понимание комплекса смыслов, которые вкладывались в слово «хаос» в контексте русско-еврейского мира, было не только доступно Мандельштаму, но получило отражение в композиции глав «Книжный шкаф» и «Хаос иудейский».

Древнееврейское «*tohuva-vohu*» – буквально: [земля была] «*безвидна и пуста*» – понимается как изначальный водный хаос, из которого Дух Божий творит мир, устанавливая порядок, разделяя небо и землю [Бытие 1:2]. Эта метафора неоднократно встречается в еврейской и русско-еврейской публицистике и литературе XIX в. как в ее фонетической передаче «тоху ва-воху» латиницей или кириллицей, так и с использованием греческого слова «хаос». В литературе еврейских просветителей первой половины XIX в. она использовалась для критики патриархального уклада, далекого от рационального европейского идеала. В последующие десятилетия служила для обозначения эпохи перемен, покачнувшей прежде незыблемые устои, т. е. эпохи, внесшей хаос в прежний стабильный мир – эпохи смятения умов, породившей конфликт «отцов» и «детей», которыми сопровождался процесс еврейской модернизации. Так, в записках Леона Мандельштама от 20 сентября 1839 г. словосочетание «хаос суеврия» используется для характеристики

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ *Ан-ский С.А.* Грехи юности // Ан-ский С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Просвещение, 1912. С. 243–255; *Он же.* Пионеры: повесть из эпохи 80-х гг. // Там же. Т. 3. СПб., 1912. С. 10–13, 43, 183, 224–225.

хасидской среды в Кейданах, в которой, несмотря на строгость устоев, начинают пробуждаться новые веяния²².

Подобный смысл находим в сатирической повести Гершона Баданеса (псевдоним Григория Евсеевича Гуревича (1854–1929?)) «Записки отщепенца» (Восход. 1884. № 3–6), содержащей прямые отсылки к произведениям Гоголя и Щедрина. Здесь излагается история трех «эпох» в жизни еврейских обитателей города Подвздошина: от патриархальных 1840-х–1850-х гг., «эпохи слияния» 1860-х–1870-х до переломных 1880-х гг., – которым соответствуют характерные типы общественных деятелей, модели образования и семейных отношений [Быть евреем в России 1999, с. 27–50].

Вначале был хаос, конечно, хаос и мрак густейший. Не было ничего сознательного: ни тротуаров... ни железной дороги, ни молитвенников на русском языке, ни тем паче студентов и студенток, адвокатов и акушерок... В семейном и общественном быту царствовал единовластно патриарх...²³

Патриархальный уклад нарушил акцизник – тайный проводник идей немецкой Гаскалы, затем настало время «дельцов крымской кампании», железнодорожных деятелей и банкиров 1860-х гг. с их новым европейским лоском. В интеллектуальной сфере первенствовал «жмудянин» (от названия области Жмудь на северо-западе Литвы), гебраист, «странствующий талмудист», «знаток европейской литературы и немецкой философии», переведивший Байрона на древнееврейский язык, талантливый педагог, открывший молодежи в Подвздошине «беспредельное море современной универсальной науки». В 1860-е гг. политика русификации Западного края привела новых героев, познакомив подвздошенцев «с целым букетом из русской оранжереи». Сильное впечатление произвел на них разночинец Скоропостижный, «самый откровенный и интересный из всех своих собратьев». В результате «хедерный и синагогальный идеалы самого абстрактного свойства заменились реальным пониманием природы, силы, здоровья и естественной красоты»²⁴.

Мы сделались истыми русскими, страдали болями их и обратили все свои способности и страсти на служение им. Мы прошли с ними все

²² Гинзбург С.М. Из записок первого еврея-студента... С. 27–28.

²³ Баданес Г. Записки отщепенца // Быть евреем в России... Материалы по истории русского еврейства 1880–1890-е годы / Сост., заключ. статья и комментарии Н. Портновой. Иерусалим, 1999. С. 34.

²⁴ Там же. С. 43–44.

знаменательные моменты последнего времени. Мозг наш одинаково воспламенялся... <...> И мы... ринулись на борьбу с Зевсами... Борьба неравная, но роковая...²⁵

«Южные бури» – погромы 1881–1882 гг., затронувшие свыше 160 населенных пунктов шести южных губерний, включая города Киев и Одессу, – вспышки антиеврейского насилия последующих лет, отрезвили многих, показав одиночество евреев не только перед толпой погромщиков, но и в среде народников, в которых они видели соратников по общей борьбе. С горечью рассуждает Баданес об «отщепенцах» – ассимилированной еврейской интеллигенции:

Мы сделались такими же русскими патриотами, как наши единоплеменники в Германии... и братья во Франции... Мы все более и более стали забывать колыбели, где мы родились... Новая же среда многих из нас... ассимилировала физиологически. Но не всех. У некоторых еще теплится огонек заветных воспоминаний. Эйле-тейлдейс [библ.; букв.: «вот история»] – сие есть происхождение отщепенца²⁶.

Выведенную Баданесом духовную историю трех поколений условных «подвздошенцев» можно соотнести с созданными Мандельштамом литературными образами близкого ему окружения. Смена идейных течений в среде российского еврейства 1830–1910-х гг. подробно анализируется в историко-культурных работах Дубнова, Цинберга и Марека [Дубнов 1907, Цинберг 1915, Марек 1914].

Примерами использования слова «хаос» для обозначения времени смятения умов и распада устоев могут служить фельетоны Л. Леванды и С. Фруга в «Недельной Хронике Восхода». В «Скромных беседах о прошлогоднем снеге или о том, как гора родила мышь» (1885) Леванда²⁷ пишет о разложении еврейской общины и патриархальной семьи: «Вместе с общиной пал и ее регулятор... ее гений-хранитель – общественное мнение... Наступил хаос, анархия»²⁸. В «Итогах» (1886) Фруга²⁹ рассказана печальная история ассимилированного семейства пани Липкиной, дочь которой сбежала с прапорщиком, и вскоре в ее богатый дом «на одной из

²⁵ Быть евреем в России... С. 44; Баданес Г. Записки отщепенца // Восход. 1884. № 6. С. 95–96.

²⁶ Быть евреем в России... С. 45–46; Баданес Г. Указ. соч. С. 99.

²⁷ Леванда Л. Скромные беседы о прошлогоднем снеге или о том, как гора родила мышь // Быть евреем в России... С. 52–60.

²⁸ Быть евреем в России... С. 54.

²⁹ Фруга С. Итоги // Быть евреем в России... С. 85–95.

аристократических улиц» ворвались погромщики. «В одну минуту рухнули все подпорки, на которых зиждился мишурный, жалкий мирок... <...> ...когда я стал разбираться в хаосе наших общественных течений и направлений, мне представилось, что я просыпаюсь от долгого... сна, в котором все виденное мной не имело никакой реальной почвы», – заключает рассказчик, размышляя о причинах и последствиях «встряски» 1880-х гг.³⁰ В статье «О смене направлений в русско-еврейской журналистике» (1899), входящей в цикл «Письма о старом и новом еврействе» (1897–1907), С.М. Дубнов рассматривает развитие идейных течений от эпохи 1860-х гг. с ее призывами к «слиянию» еврейских интересов с русскими вплоть до кризиса 1881 г., когда:

В еврейской журналистике водворился хаос. На первых порах будто все понятия перепутались... Над всем этим хаосом идей витала одна идея, выдвинутая горькою действительностью: идея перемещения центра [Дубнов 1907, с. 221].

Отметим, что для передачи идеи хаоса как конкурирующего выбора разных идейных направлений и жизненных стратегий в русско-еврейской публицистике и литературе использовались также понятия «надлома», «разлада» и «распада» [Элиасберг 2017]. Библейскую метафору в ее переводе на идиш «Цезайт ун-цешспрейт» («Разбросаны и рассеяны», 1905) Шолом-Алейхем выбрал для названия своей драмы о семействе купца Шаланта, дети которого выбирают разные дороги: старшие довольствуются мещанским благополучием, младшая дочь мечтает о курсах, один из сыновей уходит в революционное движение, другой становится сионистом. В 1911 г. ее русский перевод был издан под названием «Вразброд» [Элиасберг 2009, с. 233–235].

Писавший на иврите поэт Давид Фришман использовал библейскую метафору для названия полемической статьи «Тоһу ва-воһу» (1883), обличавшей архаичный язык еврейской литературы и журналистики того времени, призывая к усвоению современных европейских моделей³¹. О значении указанных сочинений Лилиенблюма и Фришмана для поколения 1870-х–1880-х гг. вспоминал историк Дубнов в «Книге жизни» [Дубнов 1998, с. 60–61, 89, 100]. В этом контексте можно рассмотреть и риторические вопрошания О. Мандельштама в главе «Хаос иудейский» в его попытке определить особенности отцовского «совершенно отвлеченного,

³⁰ Фруг С. Итоги // Быть евреем в России... С. 89, 92.

³¹ Цинберг С.Л. Фришман, Давид Саулович // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона: В 16 т. Т. 15. СПб., 1913. Стл. 454–455.

придуманного языка», как и природу его философских взглядов, эклектичность которых определялась самой эпохой формирования еврейской секулярной научной мысли, публицистики и литературы, так и ее нового языка [Харшав 2008, с. 57–77, 234–261].

Слово «хаос», а также метафору *тоху вавоуху*, характеризующие эпоху 1870-х – 1880-х гг., находим в мемуарной книге «Воспоминания бабушки: картины культурной истории евреев XIX в.» («Memoireneiner Grossmutter: Bilderausder Kulturgeschichteder Juden Russlandsim 19 Jahrhundert», 1908, 1910) Паулины Юлиевны Венгеровой (1833, Бобруйск – 1916, Минск), старшей родственницы Мандельштама по линии Вербловских. Фрагменты ее воспоминаний о начале реформ еврейского образования в 1840-е гг. опубликованы в «Восходе» (1902, № 10, 11). Мемуары были написаны в Гейдельберге, где Венгерова жила у сестер с 1900 по 1914 гг., переживая свое одиночество и боль за отделившихся от нее детей. Надежды она связывала с поколением внуков, которым и адресованы «Воспоминания бабушки». Повествование доведено до начала 1890-х гг. Из идейных течений, возникших после 1881 г., Венгерова выражала поддержку движению «Ховевей Цион», основанному Либиенблюмом и Пинскером³². Два тома ее книги были изданы в Германии: первый в 1908 с предисловием Г. Карпелеса, второй – в 1910; книга переиздавалась в 1913, 1919 и 1922 гг.; русский перевод опубликован в 2003³³.

Мемуары Венгеровой охватывают полвека еврейской истории в России от 1840-х г. до 1892 – года кончины ее мужа. Большая часть посвящена детству и юности в религиозной семье, торжественной атмосфере еврейских праздников, традиционному сватовству и первым годам замужества. Вспоминая об «умно организованной жизни» в родительском доме, Венгерова писала: «Тогда не было того хаоса нравов, обычаев и систем, который нынче царит в еврейских домах. Наша жизнь была... сбалансирована, в ней... соблюдалось достоинство уникальной еврейской традиции»³⁴. В центре ее размышлений – изменения, которые «претерпела еврейская семейная жизнь под влиянием европейского образования»:

Мы познакомились с немецкой и польской литературой, с великим рвением штудировали Библию и Пророков, гордились своей религией и традицией и ощущали глубинную связь с нашим народом... Но

³² Венгерова П.Ю. Воспоминания бабушки: Очерки культурной истории евреев в России в XIX веке / Пер. с нем. Э. Венгеровой. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2003. С. 287–288.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 20.

каким тяжелым оказалось для нас время великого перелома – шестидесятые – семидесятые годы...³⁵

В это время семья переезжает в Петербург, где у мужа была ответственная служба в банке. Круг ее забот был связан с учебой повзрослевших детей, определявших свое будущее, ради которого был сделан, с точки зрения матери, роковой выбор – крещение для возможности поступить в университет, что избавляло от «процентной нормы», ограничившей прием евреев:

Еврейская молодежь растворялась в чужой стихии. Ее лозунгом стала предельная ассимиляция. В еврейской жизни все полетело кувырком, царил настоящий хаос, *тоху вабоху*, но Дух Божий не носился над водами³⁶.

В описании петербургской жизни у Венгеровой можно найти немало параллелей с текстом Мандельштама: утренние улицы с гимназистами и студентами, дети, гуляющие с гувернантками и боннами по Невскому и Морской, картины зимнего Петербурга, его «великолепные сани» и «драгоценные шубы»³⁷. В центре ее повествования – изменения в образе жизни «верхнего слоя петербургских евреев» 1860-х – 1870-х гг. Несмотря на «великолепную синагогу» и образованных раввинов, «здешняя община во многом отошла от еврейской традиции. Богатые члены общины перенимали чуждые обычаи и чужие праздники, например Рождество. Из собственных праздников они сохранили только Судный День и Песах. Но и их они отмечали “по-современному”»³⁸. В их домах еврейские книги «пылились в каком-нибудь старом деревянном сундуке», во время пасхальной трапезы вспоминали «не об исходе из Египта, а о собственном детстве в литовских местечках... о злободневных событиях, газетных новостях...»³⁹ Ее личная борьба за сохранение дорогих сердцу обычаев закончилась поражением: матери пришлось смириться с желаниями детей и мужа – «реформировать» себя и свой дом».

Тем не менее Венгерова отмечала, что в этом слое ассимилированных и даже крещеных евреев сохранялось чувство солидарности, готовность прийти на помощь бедствующим братьям в провинции, жертвовать на благотворительность, поддерживая сотни

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ Там же. С. 281.

³⁷ Там же. С. 268.

³⁸ Там же. С. 269.

³⁹ Там же. С. 269, 270.

нуждающихся. Описания Венгеровой помогают понять и созданный Мандельштамом образ старшего родственника с материнской стороны, выведенный в главе «Юлий Матвеевич»⁴⁰. Участник семейных советов, успешный коммерсант 1860-х гг., без устали трудившийся в молодости, когда «округлялся его капитал» вместе с которым «росло и его эпикурейство», «настоящий еврейский генерал», читавший Меншикова и Ренана, был разорен, обманут и доживал свои дни в полном одиночестве. В русско-еврейской литературе подобные истории о поколении коммерсантов 1850-х–1870-х гг. отражены в произведениях Л. Леванды и Г. Богрова [Вальдман 2008, с. 54–57].

Паулина Венгерова была матерью Семена Афанасьевича Венгерова (1855–1920), воспоминаниями о котором в «Шуме времени» завершается глава «Книжный шкаф», описывающая расположение книг в кабинете отца: от нижних полок с его еврейскими и немецкими изданиями до «материнских русских книг»: «...Этот шкафчик был историей духовного напряжения целого рода и прививки к нему чужой крови»⁴¹ [Кацис 2002, с. 167–170]. С Венгеровым были связаны «гимназические воспоминания» матери о Вильно 1880-х гг. Мандельштам создает образ состарившегося ученого, иронично характеризуя его литературные труды в области русской словесности, подчеркивая, однако, его приверженность идеям народничества, отраженным в упомянутом здесь цикле статей «О героическом характере русской литературы» (1911).

Смысловый подтекст образа Венгерова у Мандельштама многозначен и может составить содержание отдельного исследования. Вклад Венгерова в историю русского литературоведения не подлежит сомнению, признан его коллегами и учениками, отмечавшими его 65-летний юбилей в апреле 1920 г., к которому была издана брошюра «Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова», написанная в стилистике справочного издания, где о семье сообщалось следующее: «Отец был директором банка в Минске, мать – немецкая писательница (Pauline Wengeroff, Memoire einer Grossmutter, 2 m Berlin, 1908–1910)»⁴². Детали этого восьмистраничного текста отражают нелегкий путь, пройденный ученым в его общественной борьбе, литературной и профессорской карьере, однако отсутствие упоминаний о еврейских корнях его семьи лишний раз подчеркивает глубину межпоколенческого разлада.

⁴⁰ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 83–85.

⁴¹ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 57.

⁴² Венгеров С.А. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Петербург, 1920. С. 3.

Отметим, что мемуары Венгеровой, передающие ее переживания и размышления о причинах, отдаливших детей от еврейского мира, позволяют понять мысли и чувства рижской бабушки Мандельштама, словно наделяя ее голосом и речью, от которой в «Шуме времени» осталось только слово «покушали», напоминающее гоголевских героинь. Эти воспоминания помогают представить и горькую досаду «голубоглазого деда» на своего внука, не усвоившего азов еврейской религиозной традиции, что было бы немислимо в его собственном поколении. Размышляя о пропасти, разделившей еврейские семьи, Венгерова подчеркивает ошибки «переходной эпохи» с ее поспешным стремлением к европейскому образованию. В главе «Третье поколение» она указывает на ложный путь, по которому пошли отцы, утратившие религиозное сознание и устранившие «из воспитания своих детей обычаи и ритуал», сожалеет о еврейских учителях, не сумевших привить ученикам глубокие знания еврейской традиции и культуры⁴³. Вопросы образования – предмет многочисленных дискуссий в еврейской и русско-еврейской печати. Этой проблеме посвящена статья Дубнова «О национальном воспитании» (1902), в которой также обсуждается вопрос об учителях и путях приобщения молодежи, воспитанной в русских школах и гимназиях, к изучению национального языка, истории и культуры, чтобы «из современного идейного хаоса» вышли «самобытные творческие элементы» [Дубнов 1907, с. 151].

Приведенные страницы «Воспоминаний бабушки» соотносятся с изображением семейного уклада и подходам к воспитанию, которые описал Мандельштам в «Шуме времени», отразив точку зрения поколения «внуков», скорее скептиков, чем идеалистов. Его еврейский учитель, нанятый «в припадке национального раскаяния» обладал «чувством еврейской народной гордости», но ученик знал, что их окружение заставляет «прятать свою гордость»⁴⁴. Этим скрываемым от внешнего мира чувствам противостоят воспоминания об открыто проявлявшейся национальной гордости французских и швейцарских гувернанток – бедных девушек, проникнутых «культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера» (главы «Бунты и французенки», «Книжный шкаф») ⁴⁵ [Кацис, 2003, 538–545]. Нельзя не вспомнить, что и Венгерова в «Воспоминаниях бабушки» неоднократно заявляет о гордом сознании своей принадлежности к еврейству и иудаизму, осуждая компромиссное мировоззрение ассимилированных евреев Петербурга, которых называет «слабаками»⁴⁶.

⁴³ Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 278.

⁴⁴ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 57–58.

⁴⁵ Там же. С. 54–55, 58.

⁴⁶ Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 270.

Можно заметить и обратную переключку с рассуждениями Венгеровой о еврейских и «чужих» праздниках у представлявшего «третье поколение» Мандельштама, для которого понятной и радостной была зимняя и весенняя праздничная суета, а не духовная сосредоточенность еврейского нового года – Рош-Гашана, со следующими за ним десятью Днями Трепета и покаянных молитв, которые завершает Йом-Киппур (библ.: День очищения):

Крепкий румяный русский год катился по календарю с крашеными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей. А тут же путался призрак – новый год в сентябре и невеселые страшные праздники, терзавшие слух дикими именами: Рош-Гашана и Йом-киппур⁴⁷.

Эти воспоминания можно соотнести с сожалениями Венгеровой о выросшем «без традиции» поколении, которому остались «чужды... изливаемая в молитвах тоска по Сиону... и ритм еврейских праздников, когда за печалью неизменно следует радость»⁴⁸.

Рубежная эпоха с ее смешением старого и нового отражена в структуре главы «Хаос иудейский», первый абзац которой строится на контрастных парных образах: эмансипированная еврейка родом из Шавли и бородатые «странствующие авторы... талмудические ученые, продавцы вразнос собственных печатных изречений. Они оставляли именные экземпляры и жаловались на преследования злых жен»⁴⁹ Незавидной участи еврейских литераторов, зависевших от своих меценатов, посвящен очерк Марек «История еврейского книгопечатания» [Марек 1888]. Жалобы на жен, не понимающих духовных устремлений своих мужей, неоднократно звучали в сочинениях маскилим, в автобиографиях Леона Мандельштама, Ковнера и Лилиенблюма. О подобном упоминает и Марек в «Воспоминаниях об отце», рассказывая о скептическом отношении своей матери к литературным занятиям мужа [Марек 1888].

Далее в первом абзаце главы «Хаос иудейский» убогим лавочкам Торговых улиц противопоставлена «пышная чужая смоковница» – синагога: «Еврейский корабль, со звонкими альтовыми хорами, с потрясающими детскими голосами, плывет на всех парусах, расколотый какой-то древней бурей на мужскую и женскую половину». «Несокрушимой силе» песнопений кантора противостоит верноподданническая речь раввина на русском языке. Величест-

⁴⁷ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 55.

⁴⁸ Венгерова П.Ю. Указ. соч. С. 277.

⁴⁹ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 65.

венная служба и облачения молящихся контрастируют с «изящными движениями светских людей». Но в конце абзаца этим «господам в цилиндрах», барону Гинзбургу и Варшавскому, доверена особая символическая миссия – представлять молитву от имени всей общины: «за всех, по доверенности, по поручению всех, совершают что-то почетное и самое главное»⁵⁰. Таким образом, синагога – «еврейский корабль» – собирает в единую общину самых разных своих прихожан [Кацис 2002].

Нельзя не обратить внимания и на то, что все герои: от девушки в шляпке до господ в цилиндрах – в тексте Мандельштама объединены единым ритмом значительного по своему объему абзаца, открывающего главу «Хаос иудейский». Вслед за ним идут рассуждения о языках и культурном багаже, сформировавшем мировоззрение родителей, сцены в доме у бабушки и дедушки в Риге и зарисовки рижского взморья с его «землей иудейской» – дозволенным для проживания евреев Дуббельном, где «висели пеленки и захлебывались гаммы», откуда открывался путь в большой мир музыки.

Какая нить протянулась от этих первых убогих концертов к шелковому пожару Дворянского собрания и щедедушному Скрябину... над которым висится, как щит, звукоприемник – странный стеклянный прибор⁵¹.

Таким образом, в структуре главы «Хаос иудейский» Мандельштам создал галерею евреев рубежной эпохи: от непоколебимых хранителей традиционного уклада до ассимилированной буржуазии, от «семенящих в сюртуках... чадолюбивых стариков» до величественных «господ в цилиндрах», от «женщин с накладными волосами» в лавочках Торговых до «рулад певцов» в «пахнущем пеленками еврейском Дуббельне». Эти контрастные образы подчеркивают эпоху хаотичного смешения столь разных еврейских типов и мировоззренческих направлений на рубеже столетий.

В контексте нашей работы особое значение приобретает образ С. Ан-ского, выведенный Мандельштамом в главе «Семья Синани» наряду с яркими и ироничными портретами деятелей народнического движения и эсеровской партии.

Семен Акимыч Анский совмещал в себе еврейского фольклориста с Глебом Успенским и Чеховым... Слушатели за ним бегали. Русско-еврейский фольклор Семена Акимыча в неторопливых чудесных рассказах

⁵⁰ Мандельштам О.Э. Указ. соч. С. 66.

⁵¹ Там же. С. 70.

лился густой медовой струей. Семен Акимыч, еще не старик, дедовски состарился... от избытка еврейства и народничества⁵².

Для поколения рубежной эпохи фигура Ан-ского была ориентиром в поисках путей преодоления «хаоса» идейных разногласий, личного и национального кризисов. Приверженец Гаскалы в своей ранней юности, участник народнического движения 1880-х гг., личный секретарь П.Л. Лаврова в годы эмиграции в Париже (1894–1900), автор статей о процессе Дрейфуса, заставившего его, как и Т. Герцля, обратиться к размышлениям о судьбах еврейства, – писатель Ан-ский стал одним из тех, кто чутко отзывался на духовные запросы русско-еврейской интеллигенции [Roskies 1992; Safran 2010, p. 83–86]. Один из его ответов на вопрос о возвращении к нарушенной гармонии национальной жизни отражен в эскизе «Пасхальная мистерия» (1910), повествующем о старом доме, покинутом детьми, ушедшими в большой мир, и сыне, вернувшемся под родительский кров, чтобы вместе с отцом читать сказание об Исходе⁵³. Мандельштам не идеализирует образ Ан-ского и остается ироничным по отношению к нему, как и ко многим своим героям, сравнивая его то «еврейским апостолом Петром на вечере», то с «нежной геморроидальной психеей» на фоне «истукана Михайловского», о которого «щелкали аграрный орех-крепкотук», словно подчеркивая сложный внутренний мир «Глеба Успенского из талмуд-торы»⁵⁴.

Сопоставление «Шума времени» с автобиографическими сочинениями, художественными текстами русско-еврейских литераторов и историко-культурными очерками, обобщающими развитие идейных течений в среде русско-еврейской интеллигенции 1840-х–1910-х гг., позволяет показать сходство их важнейших тем, связанных с осмыслением духовного опыта нескольких поколений еврейских «отцов» и «детей». В своей литературной «родословной» Мандельштам, подобно повести Баданеса и мемуарам Венгеровой, показывает смену семейных поколений: от патриархального деда, отца-маскила, ушедшего от еврейской традиции ради освоения европейского знания, и внука, воспитанного в русской культурной среде, но сознающего свою связь с «незнакомым утробным миром, откуда... вышел, которого... боялся... и бежал» – «иудейским хаосом» – сложным смешением идей и мировоззрений, сочетанием «старого» и «нового» в жизни современного ему еврейства,

⁵² Там же. С. 95.

⁵³ *Ан-ский С.А.* Пасхальная мистерия // Ан-ский С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. СПб.: Просвещение. 1913. С. 287–292.

⁵⁴ *Мандельштам О.Э.* Указ. соч. С. 95.

«хаосом», не исчезнувшим вместе с «миражом» и «сном» Петербурга рубежной эпохи⁵⁵. Мотив бегства от еврейских корней, как и возвращения к ним неоднократно звучал в литературе на иврите, идише, русском, немецком и других европейских языках, примерами таких текстов служат рассказы «Итоги» Фруга и «Пасхальная мистерия» Ан-ского. Структура, выбранная Мандельштамом для построения глав «Книжный шкаф» и «Хаос иудейский», отражает глубокое понимание им комплекса смыслов и ключевых понятий, использовавшихся в русско-еврейской среде для передачи межпоколенческих различий, путей еврейской модернизации и освоения русской культуры и языка, а также особенностей восприятия рубежной эпохи с ее хаотичным смешением разных мировоззренческих систем.

Литература

- Бенбасса 2004 – *Бенбасса Э.* История евреев Франции / Пер. с фр. Г. Мельника. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2004. 430 с.
- Бештель 2006 – *Бештель Д.* Берлинская Гаскала // Тысяча лет культуры ашкеназов / Пер. с фр. Е.И. Лебедевой и Р.М. Капланова. М.: Текст, 2006. С. 322–325.
- Вальдман 2008 – *Вальдман Б.* Русско-еврейская журналистика (1860–1914): Литература и литературная критика. Рига: Центр изучения иудаики Латвийского ун-та, 2008. 360 с.
- Дубнов 1907 – *Дубнов С.М.* Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1907. 370 с.
- Дубнов С.М. 1998 – *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 672 с.
- Заламбани 2017 – *Заламбани М.* Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье», «Анна Каренина», «Крейцерова соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М.: РГГУ, 2017. 226 с.
- Кацис 2002 – *Кацис Л.Ф.* Осип Мандельштам: Мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2002. 598 с.
- Кацис 2008 – *Кацис Л.Ф.* Родословная Осипа Мандельштама: глава «Родословная» «Второй книги» Н.Я. Мандельштам и духовная родословная поэта // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества / Ред.-сост. И. Делекторская, О. Лекманов, Д. Мамедова, П. Нерлер. Вып. 4/2. М.: РГГУ, 2008. С. 319–339.
- Ковнер 2000 – *Ковнер А.Г.* Из записок еврея // Евреи в России: XIX век / Вступ. статья, сост., подготовка текста и коммент. В.Е. Кельнера. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 177–246.

⁵⁵ Там же. С. 55.

- Марек 1888 – *Марек П.* Из истории еврейского печатного дела в России // Восход. 1888. № IV. С. 76–91; № IX. С. 83–94.
- Марек 1914 – *Марек П.С.* Введение // История евреев в России: при ближайшем участии А.И. Браудо, М.Л. Вишницера, Ю. Гессена, С.М. Гинзбурга, П.С. Марекка и С.Л. Цинберга. Т. I. М.: Мир, 1914. С. 1–20.
- Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с поздне-имперской Россией / [авторизованный пер. с англ. и науч. ред. А.Е. Локшина]. М.: РОССПЭН, 2007. 461 с.
- Роскис 2010 – *Роскис Д.* Мост желания: Утраченное искусство идишского рассказа / Пер. с англ. Л. Черниной. М.: Текст: Книжники, 2010. 684 с.
- Симон-Наюм 2006 – *Симон-Наюм П.* Wissenschaft des Judentums // Тысяча лет культуры ашкеназов / Пер. с фр. Е.И. Лебедевой и Р.М. Капланова. М.: Текст, 2006. С. 326–332.
- Френкель Й. 2008 – *Френкель Й.* Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство: 1862–1917 / Пер. с англ. С. Ильина; Под общей ред. В. Левина. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2008. 846 с.
- Харшав 2008 – *Харшав В.* Язык в революционное время / Пер. с англ. Л. Черниной. М.: Текст, 2008. 476 с.
- Цинберг 1910 – *Цинберг С.Л.* А. Ковнер (Писаревичина в еврейской литературе) // Пережитое: Сборники, посвященные общественной и культурной истории евреев в России: В 4 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 130–159.
- Цинберг 1915 – *Цинберг С.Л.* История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Петроград: Тип. И. Флейтмана, 1915. 264 с.
- Шарль 2005 – *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века / Пер. с фр. Г. Галкина и др. М.: Новое издательство, 2005. 325 с.
- Элиасберг 2009 – *Элиасберг Г.А.* Драматургия Шолом-Алейхема // Вопросы еврейской истории: Материалы XVI Ежегодной междунар. междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 2. Сэфер: Академическая серия. Вып. 26. М., 2009. С. 229–242.
- Элиасберг 2017 – *Элиасберг Г.А.* Повесть «Распад» и тема распада в прозе и драматургии С. Юшкевича // Труды по еврейской истории и культуре: Материалы XXIII Междун. ежегодной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 54. М., 2017. С. 476–493.
- Элиасберг 2018 – *Элиасберг Г.* Запреты и предписания, касающиеся семейной жизни в творчестве толстовца И. Тенеромо // Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2018. С. 274–294.
- Henry 2011 – *Henry B.* Rewriting Russia: Jacob Gordin's Yiddish Drama. Seattle and London: University of Washington Press, 2011. 229 p.
- Roskies 1992 – *Roskies D.* S. An-sky and the Paradigm of Return // The Uses of Tradition: Jewish Continuity in the Modern Era / Ed. by J. Wertheimer. New York and Jerusalem: The Jewish, 1992. P. 243–260.
- Safran 2010 – *Safran G.* Wandering Soul: The Dibbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2010. 353 p.
- Stanislawski 2001 – *Stanislawski M.* Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Berkeley-Los Angeles; London: University of California Press, 2001. 303 p.

- Stanislawski 2004 – Stanislawski M. *Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning*. Seattle-London: University of Washington Press, 2004. 224 p.
- Zinberg (1976–1978) – *Zinberg I. The History of Jewish Literature: In 12 vols. Vol. VIII–XII*. NY: KTAV.

References

- Benbassa, E. (2004), *Istoriya evreev Frantsii* [History of the Jews of France], transl. from Fr. by G. Mel'nik, Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow; Ierusalim.
- Beshtel', D. (2006), "Berlin Haskala", *Tsytyacha let kul'tury ashkenazov* [A thousand years of Ashkenazi culture], tr. from Fr. by E.I. Lebedeva and R.M. Kaplanov, Tekst, Moscow, Russia, pp. 322–325.
- Dubnov, S.M. (1907), *Pis'ma o starom i novom evreistve (1897–1907)* [Letters on old and new Jewry (1897–1907)], tip. "Obshchestvennaya pol'za", Saint Petersburg, Russia.
- Dubnov, S.M. (1998), *Kniga zhizni: Vospominaniya i razmyshleniya: Materialy dlya istorii moego vremeni* [The Book of life: Memories and reflections: Materials for the history of my time], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Eliasberg, G. (2009), "Sholom Aleichem's Plays", *Voprosy evreiskoi istorii: Materialy XVI Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi Mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike* [Questions of Jewish history: Proceedings of the Sixteenth Annual International Conference on Jewish Studies], part 2: Sefer: Akademicheskaya seriya, iss. 26, ed. by V.V. Mochalova, Moscow, Russia, pp. 229–242.
- Eliasberg, G. (2017), "The novel 'Respad' (break up) and the Issue of Decay in the Prose and Playwritings of S. Yushkevich", *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture. Materialy XXIII Mezhdunarodnoi ezhgodnoi konferentsii po iudaike, Akademicheskaya seriya* [Studies in Jewish History and Culture: Proceedings of the Twenty-Third Annual International Conference on Jewish Studies. Academic Series], iss. 54. Moscow, Russia, pp. 476–493.
- Eliasberg, G. (2018), "Prohibitions and Prescriptions about Family Life in the Work of the Tolstoyan I. Teneromo", *Zaprety i predpisaniya v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii* [Prohibitions and Regulations in Slavic and Jewish Cultural Tradition], Ed. by O.V. Belova. Moscow, Russia, pp. 274–294.
- Frenkel', Y. (2008), *Prorochestvo i politika. Sotsializm, natsionalizm i russkoe evreistvo, 1862–1917* [Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917], tr. from English by S. Il'in, V. Levin (ed.), Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow, Ierusalim.
- Harshav, B. (2008), *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in Time of Revolution], Tr. from Engl. by L. Chernina, Tekst, Moscow, Russia.
- Henry, B. (2011), *Rewriting Russia: Jacob Gordin's Yiddish Drama*, University of Washington Press, Seattle and London.
- Katsis, L.F. (2002), *Osip Mandel'shtam: Muskus iudeistva* [Osip Mandel'shtam: The musk of Judaism], Mosty kul'tury / Gesharim, Moscow; Ierusalim.

- Katsis, L.F. (2008), "Genealogy of Osip Mandelstam: the Chapter 'Genealogy' of the 'Second book' by N.Ya. Mandelstam and the spiritual pedigree of the poet", "*Sokhrani moyu rech'...*: Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva ["Keep my speech safe...". Notes of the Mandelstam society], I. Delektorskaya, O. Lekmanov, D. Mamedova, P. Nerler (eds.), iss. 4/2, RGGU, Moscow, Russia, pp. 319-339.
- Kovner, A.G. (2000), "From notes of a Jew", *Evrei v Rossii: XIX vek* [Jews in Russia: 19th century], Intr. art., comp., prep. and comm. by V.E. Kel'ner, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 177-246.
- Marek, P.S. (1888), "From the history of Jewish printing", *Voskhod*, no IV, pp. 76-91; no IX, pp. 83-94.
- Marek, P.S. (1914), "Introduction", *Istoriya evreev v Rossii: pri blizhaishem uchastii A.I. Braudo, M.L. Vishnitsera, Yu. Gessena, S.M. Ginzburga, P.S. Mareka i S.L. Tsinberga*. [History of the Jews in Russia: with the close participation of A.I. Braudo, M.L. Vishnitzer, Yu. Hessen, S. M. Ginzburg, P.S. Marek and S.L. Tsinberg], vol. I, Mir, Moscow, Russia, pp.1-20.
- Nathans, B. (2007), *Za chertoi: Evrei vstrechayutsya s pozdne-imperskoi Rossiei* [Beyond the Pale: The Jewish encounter with late imperial Russia], tr. from English and ed. by A.E. Lokshin, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Roskies, D. (1992), An-sky and the Paradigm of Return, *The Uses of Tradition: Jewish Continuity in the Modern Era*, Ed. by J. Wertheimer, The Jewish, New York and Jerusalem, pp. 243-260.
- Roskies, D. (2010), *Most zhelaniya: Utrachennoe iskusstvo idishskogo rasskaza* [A bridge of longing: The lost art of Yiddish storytelling], tr. from English by L. Chernina, Tekst: Knizhniki, Moscow, Russia.
- Safran, G. (2010), *Wandering Soul: The Dibbuk's Creator*, S. An-sky, Harvard University Press, Cambridge, Mass.; London.
- Simon-Nayum, P. (2006), "Wissenschaft des Judentums", *Tsytyacha let kul'tury ashkenazov* [A thousand years of Ashkenazi culture], tr. from French by E.I. Lebedeva and R.M. Kaplanov, Tekst, Moscow, Russia, pp. 326-332.
- Sharl' K. *Intellektualy vo Frantsii: Vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France: the Second half of the 19th century], tr. from French by G. Galkin et al., Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 293-296.
- Stanislavski, M. (2001), *Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*, University of California Press, Berkeley; Los Angeles; London.
- Stanislavski, M. (2004), *Autobiographical Jews: Essay in Jewish Self-Fashioning*, University of Washington Press, Seattle; London.
- Tsinberg, S.L. (1910), "A. Kovner (Pisarevshchina in Jewish Literature)", *Perezhitoe: Sborniki, posvyashchennye obshchestvennoi i kul'turnoi istorii evreev v Rossii* [Bygones. Collections devoted to the social and cultural history of Jews in Russia], in 4 vols., v. 2. Saint Petersburg, Russia, pp. 130-159.
- Tsinberg, S.L. (1915), *Istoriya evreiskoi pechati v Rossii v svyazi s obshchestvennymi techeniyami* [The history of the Jewish press in connection with social movements], Tip. I. Fleitmana, Petrograd.
- Val'dman, B. (2008), *Russko-evreiskaya zhurnalistika (1860-1914): literatura i literaturnaya kritika* [Russian-Jewish journalism: literature and literary criticism], Tsentr izucheniya iudaiki Latviiskogo universiteta, Riga.

Zalambani, M. (2017), *Institut braka v tvorcestve L.N. Tolstogo: «Semeinoe schastie», «Anna Karenina», «Kreitserova sonata»* [Institute of marriage in the works of Leo Tolstoy: “Family happiness”, “Anna Karenina”, “Kreutzer Sonata”], tr. from Italian by K. Land, RSUH, Moscow, Russia.

Zinberg, I. (1976–1978), *The History of Jewish Literature*, in 12 vols., vols. 8-12, KTAV, New York, USA.

Информация об авторе

Галина А. Элиасберг, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gaeliasberg@gmail.com

Information about the author

Galina A. Eliasberg, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; gaeliasberg@gmail.com